

Эмпирическая верификация концепции регионального лидерства на примере восходящих держав

Д. О. Вакарчук

Российский государственный гуманитарный университет,
Российская Федерация, 125993, Москва, Миусская пл., 6

Для цитирования: Вакарчук Д. О. Эмпирическая верификация концепции регионального лидерства на примере восходящих держав // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2023. Т. 16. Вып. 3. С. 255–274. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2023.304>

В отечественной и зарубежной научной литературе сложился консенсус относительно идентификации статуса восходящих государств как региональных лидеров. Чаще всего к восходящим государствам относят страны БРИКС. В последние годы стали выходить публикации, идентифицирующие страны МИКТА в качестве восходящих держав среднего уровня, одновременно с этим претендующих на статус региональных лидеров или уже являющихся таковыми. Цель статьи заключается в том, чтобы определить, насколько участие государств форматах БРИКС и МИКТА позволяет им укреплять свое региональное лидерство или претендовать на региональное лидерство. В рамках эмпирического исследования региональное лидерство государств БРИКС и МИКТА, с одной стороны, рассмотрено с точки зрения оценки материальных атрибутов силы посредством использования Сводного индекса национального потенциала. С другой стороны, мы исходим из конструктивистского подхода к понятию «лидерство». Такой подход позволяет рассматривать лидерство как сконструированную категорию, зависящую от признания державами иного порядка, принадлежащими к региону, легитимности статуса регионального лидера за тем или иным государством БРИКС и МИКТА. Методологически мы исходим из того, что категорию легитимности можно операционализировать посредством идентификации сплоченности голосования в ГА ООН государств БРИКС и МИКТА с государствами, принадлежащими к их регионам. Высокое значение среднего «индекса согласия» указывает на признание регионального лидерства стран-участников БРИКС и МИКТА государствами-последователями, принадлежащими к их регионам. На уровне гипотезы ожидается, что средние значения «индексов согласия», во-первых, будут равны и для стран БРИКС, и для стран МИКТА, во-вторых, примут высокие значения. Таким образом, в данной статье предполагается определить наличие корреляции между ресурсной обеспеченностью регионального лидерства государства и легитимностью такого лидерства.

Ключевые слова: БРИКС, МИКТА, восходящие державы, региональное лидерство, региональная держава, Генеральная Ассамблея ООН, количественный анализ.

Введение

В первые десятилетия XXI в. в отечественной и зарубежной научной литературе сложился консенсус относительно понятия «восходящая держава»¹. Чаще всего к таким державам относят страны БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай,

¹ В англоязычной научной литературе чаще всего используются следующие определения: «rising power», «emerging power».

Южная Африка) [1–5]. В научной литературе рубежа первого-второго десятилетий XXI в. на страны БРИКС возлагались большие надежды в отношении построения постзападного мирового порядка. Динамичный экономический рост должен был придать этим странам в перспективе значительный политический вес [6]. Видный британский политолог Э. Харрелл в своей работе отмечал, что отличительными особенностями стран БРИКС являются: наличие экономических, военных и политических ресурсов; способность внести вклад в создание международного порядка на глобальном или региональном уровне; определенная степень внутренней сплоченности, позволяющая принимать эффективные решения; отстаивание права играть большую роль в мировой политике; наличие институциональных механизмов взаимодействия; амбивалентная позиция относительно характера развития мировой политической системы [7]. Предполагалось, что создаваемые странами БРИКС незападные институты и инструменты «параллельного порядка» в перспективе оспорят доминирование существующих институтов глобального управления западного образца [8].

В последние годы академический нарратив был скорректирован. Первопричиной для более реалистичной оценки перспектив этих стран стало замедление темпов их экономического роста и политические кризисы [9]. Кроме того, для государств БРИКС характерно отсутствие глубины экономической интеграции друг с другом [10]. Еще одной проблемой видится региональная конкуренция КНР и Индии, которая осложняется нерешенным пограничным спором [11]. Основополагающие принципы БРИКС — содействие диалогу только по вопросам, приемлемым для всех участников, а также принятие решений на основе консенсуса — априори препятствуют решению этой проблемы. В литературе также фиксируется отсутствие прогресса стран БРИКС «в реформировании международной архитектуры, несмотря на непоколебимую приверженность БРИКС идее справедливого международного порядка» [12]. Лидерский потенциал БРИКС ограничен наличием диспропорции в стратегическом позиционировании государств — участников формата: если Китай и Россия так или иначе проявляют растущее стремление взять на себя роль великих держав, то Индия, Бразилия и Южная Африка занимают более умеренные позиции в этом отношении [13]. Наконец, несмотря на достижения БРИКС с точки зрения институционализации взаимодействия и относительно высокого уровня выполнения принимаемых на саммитах обязательств [12], пока нельзя констатировать наличие высокого уровня кооперации между этими государствами на внешних площадках, в частности на уровне Генеральной Ассамблеи ООН [14].

Более взвешенная оценка потенциала формата БРИКС не отразилась на квалификации в научной литературе государств — участников БРИКС как региональных держав [15–22]. Тезис Э. Харрелла, что политический потенциал БРИКС базируется на квалификации стран-участниц этого формата как стержневых для своих регионов, не потерял свою актуальность [7]. Помимо того, что на уровне стратегических нарративов страны БРИКС позиционируют себя в качестве региональных лидеров, этот дискурс поддерживается также и в рамках объединения путем привлечения на форумы «пятерки» региональных акторов и их вовлечения в региональные проекты в зависимости от председательствующей в БРИКС страны [23].

В последние годы стали выходить научные публикации, в которых страны — участники МИКТА (Мексика, Индонезия, Южная Корея, Турция, Австралия) так-

же идентифицируются в качестве региональных лидеров или претендующих на этот статус государств [21; 24]. Необходимо сразу оговориться, что работ по оценке влияния объединения МИКТА на развитие мировых политических и экономических процессов значительно меньше по сравнению с исследованиями БРИКС. Периферийность этого сюжета можно объяснить тем, что первопричиной существования форума по-прежнему является расплывчатая смесь внутренних атрибутов (в том числе декларируемая приверженность демократии) государств — участников МИКТА и их коллективных глобальных устремлений [25]. Некоторые исследователи даже отмечали, что «единственный успех МИКТА может заключаться в том, что этот формат все еще существует» [26]. Неопределенная стратегия позиционирования дополняется существенными различиями между этими странами с точки зрения как политико-экономических характеристик [27; 28], так и позиционирования себя державами среднего уровня. В частности, если в Австралии и Южной Корее время от времени ведутся споры о целесообразности следования во внешней политике идентичности державы среднего уровня [25; 29], то руководство Турции редко идентифицирует страну с государством такого типа [30].

В целом в академической литературе присутствует консенсус относительно квалификации стран — участниц МИКТА как держав среднего уровня [27; 31]. Одновременно с этим в литературе отсутствует унифицированное определение такой державы. Как правило, к державам среднего уровня относят государства, обладающие средними материальными показателями и имеющие определенную модель внешнеполитического поведения на глобальном уровне [32], соразмерную их материальным показателям. Ввиду неопределенности этого понятия к державам среднего уровня те или иные авторы относят в том числе Бразилию, Индию и Южную Африку [33], хотя представители руководства этих государств, как правило, негативно относятся к такому ярлыку [34]. Группирующими критериями в этом плане могут выступать количественно измеримые силовые показатели, особенности внешнеполитического позиционирования и поведения этих государств, в частности, речь идет о практике минилатеризма, которую Р. Хаас одним из первых определил как распространение коалиций *à la carte*, объединяющихся для дискретных целей [35; 36].

Тем не менее идентификация тех или иных стран как держав среднего уровня представляет собой ранжирование на уровне глобальной системы международных отношений и не является методологическим ограничением для анализа государств МИКТА с точки зрения их регионального лидерства. Напротив, региональные лидеры определяются прежде всего на основе их географического положения. Таким образом, понятия «региональная держава» и «держава среднего уровня» не исключают друг друга, а скорее дополняют. В научной литературе высказывается точка зрения, что участие государств в формате МИКТА дает им возможность претендовать на статус региональных лидеров, так как это позволяет им оказывать влияние на международной арене путем создания коалиций, укрепления многосторонних институтов и выполнения функции моста между группами стран и регионов, отстаивая в том числе интересы государств своего географического региона [24]. Таким образом, *цель статьи* заключается в том, чтобы определить, насколько участие государств форматах БРИКС и МИКТА позволяет им укреплять свое региональное лидерство или претендовать на региональное лидерство.

Дизайн исследования

В научной литературе отсутствует унифицированное понятие «региональная держава». Как правило, тот или иной автор идентифицирует такие государства на основе ряда критериев. Так, О. Остеруд понимает под региональной державой государство, которое:

- «географически является частью определенного региона;
- способно противостоять любой коалиции других государств региона;
- имеет большое влияние в регионе;
- в отличие от державы среднего уровня, могло бы также выступать в качестве великой державы на глобальном уровне в дополнение к своему региональному положению» [37, p. 12].

В свою очередь, Д. Нольте определяет в качестве региональной державы государство, которое:

- «артикулирует претензию на лидирующее положение в географически, экономически и политически очерченном регионе;
- обладает материальными (военные, экономические, демографические), организационными (политические) и идеологическими ресурсами для реализации влияния в регионе;
- имеет существенное влияние на процессы, происходящие в регионе;
- экономически, политически и культурно взаимосвязано с регионом;
- существенно влияет на геополитическое размежевание и политическое конструирование региона;
- оказывает это влияние через региональные управленческие структуры; артикулирует общую региональную идентичность или проект;
- приносит коллективное благо региону или участвует значительным образом в предоставлении такого коллективного блага; определяет повестку региональной безопасности;
- чье лидирующее положение в регионе признается или, по крайней мере, уважается другими государствами внутри и за пределами региона, особенно другими региональными державами;
- интегрировано в межрегиональные и глобальные форумы и институты, где оно артикулирует не только свои собственные интересы, но и действует, как минимум по остаточному принципу, как представитель региональных интересов» [38, p. 893].

Представляется, что указанные критерии можно разделить на два вида: во-первых, силовые (военная и экономическая мощь) и ценностные (идеология и культурно-цивилизационные атрибуты); во-вторых, интерсубъективные (легитимность регионального лидерства). Интерсубъективное измерение регионального лидерства представляет собой воплощение реляционной теории статуса. Согласно этой теории, статус в международных отношениях достигается не благодаря большому количеству атрибутов силы как таковых, но благодаря наличию у государства схожих ценностей и ресурсов с группой держав, признание которых в качестве лидера исходное государство рассчитывает получить [39]. Э. Харрелл и Д. Нольте в этом отношении отмечают, что лидерство на региональном уровне это в том числе социально сконструированная категория, которая зависит от признания реги-

онального авторитета внешними великими и региональными державами, а также внутренними региональными державами иного порядка [38; 40].

Таким образом, *исследовательский вопрос* работы заключается в следующем: способствует ли участие государств в форматах БРИКС и МИКТА достижению их регионального лидерства?

В качестве временных рамок исследования изначально предполагалось выбрать период с 1992 по 2021 г. в связи с необходимостью охватить период существования постбиполярной системы международных отношений. Однако результаты голосования ЮАР в Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций (далее — ГА ООН) за 1992 г. отсутствуют из-за отстранения этой страны от участия в работе ГА ООН в связи с международным осуждением апартеида. По этой причине в качестве нижней границы был выбран 1993 г. Именно с этого года в базе данных фиксируются результаты голосования ЮАР в ГА ООН.

В свою очередь, зоны влияния стран — участниц БРИКС и МИКТА были разделены следующим образом: Бразилия и Союз южноамериканских наций (далее — УНАСУР); РФ и Содружество Независимых Государств (далее — СНГ); Индия и Ассоциация регионального сотрудничества Южной Азии (далее — СААРК); КНР и Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (далее — АСЕАН); Южная Африка и Сообщество развития Юга Африки (далее — САДК); Южная Корея и АСЕАН; Индонезия и АСЕАН; Мексика и Система центральноамериканской интеграции (далее — СЦИ); Турция и страны Ближнего Востока и Северной Африки (далее — MENA) / Организации тюркских государств (далее — ОТГ); Австралия и Форум тихоокеанских островов (далее — ФТС). Эти государства были обозначены в качестве находящихся в зоне влияния стран-участников БРИКС и МИКТА исходя из представлений в научной литературе на этот счет [41–47]. Страны, включенные в выборку, приведены в табл. 1.

Для проверки гипотезы региональное лидерство государств — участников БРИКС и МИКТА рассмотрено, с одной стороны, с точки зрения оценки материальных атрибутов влияния этих стран, с другой стороны — как сконструированная категория, зависящая от признания державами иного порядка, принадлежащими к региону, легитимности статуса регионального лидера за тем или иным государством БРИКС и МИКТА.

Методологически мы исходим из того, что силовое лидерство государств — участников БРИКС и МИКТА можно операционализировать посредством использования Сводного индекса национального потенциала (Composite Index of National Capability, CINC) [48]. Разработанный Д. Сингером в 1963 г. для проекта «Корреляторы войны» (Correlates of War, COW), индекс часто используется в научной литературе для решения тех или иных задач [49; 50]. Расчет индекса представляет определение среднего арифметического от доли той или иной страны в мировой численности населения, численности городского населения, численности вооруженных сил, объеме потребляемой энергии, объеме производства чугуна и стали, объеме военных расходов. Следует отметить, что данные для определения индекса CINC содержатся в базе «Национальные материальные потенциалы» (National Material Capabilities) [51]. Последняя доступная версия этой базы (6.0) включает данные для всех стран мира по шести указанным выше переменным с 1816 по 2016 г. Таким образом, для идентификации регионального материального лидерства государств —

Таблица 1. Государства, входящие в зоны региональные зоны влияния государств БРИКС и МИКТА

Страна	Зона влияния
Бразилия	Колумбия, Венесуэла, Гайана, Суринам, Эквадор, Перу, Боливия, Парагвай, Чили, Аргентина, Уругвай
Индия	Афганистан, Бутан, Пакистан, Бангладеш, Шри-Ланка, Мальдивы, Непал
КНР	Мьянма, Таиланд, Камбоджа, Лаос, Вьетнам, Малайзия, Сингапур, Бруней, Филиппины, Индонезия, Восточный Тимор
РФ	Молдова, Украина, Беларусь, Армения, Азербайджан, Грузия, Туркменистан, Таджикистан, Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан
Южная Африка	Ангола, Мозамбик, Замбия, Зимбабве, Малави, Намибия, Лесото, Ботсвана, Свазиленд, Мадагаскар, Маврикий, Сейшельские острова, Танзания
Австралия	Папуа — Новая Гвинея, Новая Зеландия, Вануату, Соломоновы острова, Кирибати, Тувалу, Фиджи, Тонга, Науру, Палау, Федеральные штаты Микронезии, Самоа, Маршалловы острова
Индонезия	Мьянма, Таиланд, Камбоджа, Лаос, Вьетнам, Малайзия, Сингапур, Бруней, Филиппины, Восточный Тимор
Мексика	Белиз, Гватемала, Гондурас, Сальвадор, Никарагуа, Коста-Рика, Панама, Доминиканская Республика
Турция	Ирак, Сирия, Ливан, Иордания, Йемен, Кувейт, Бахрейн, Катар, ОАЭ, Оман, Марокко, Алжир, Тунис, Ливия, Азербайджан, Туркменистан, Таджикистан, Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан
Южная Корея	Мьянма, Таиланд, Камбоджа, Лаос, Вьетнам, Малайзия, Сингапур, Бруней, Филиппины, Восточный Тимор

участников БРИКС и МИКТА средние значения индекса CINC за период с 1993 по 2016 г. были рассчитаны, во-первых, для рассматриваемых держав по отдельности, во-вторых, для государств, входящих в зоны влияния указанных выше стран, по совокупности.

Легитимность регионального лидера можно операционализировать посредством идентификации сплоченности голосования в ГА ООН государств БРИКС и МИКТА с государствами, принадлежащими к их регионам. Выбор результатов голосования в ГА ООН в качестве метрики региональной сплоченности, безусловно, имеет свои ограничения из-за фиксации в научной литературе возможности несоответствия между результатом голосования ГА ООН и реальным уровнем поддержки политической позиции того или иного государства [52]. Тем не менее, по мнению исследователя Э.Воетена, обращение к данным ГА ООН оправдано ввиду репрезентативности этой площадки с точки зрения состава государств-членов и обсуждаемых повесток [53]. Исходя из этого мы ожидаем идентифицировать высокий уровень конвергенции позиций в ГА ООН между государствами БРИКС и МИКТА и державами иного порядка, принадлежащими к их регионам. Таким образом, во главу угла поставлено изучение дихотомии лидер — последователь.

Данные для оценки сплоченности голосования в ГА ООН были получены из базы «Данные о голосовании в Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций» (United Nations General Assembly Voting Data) [54]. Эта база со-

держит данные о поименных голосованиях в ГА ООН за 1946–2021 гг. Преимуществом этой базы данных является наличие в ней уже рассчитанного «индекса согласия» (voting similarity index, «agree»), который представлен для каждой пары стран для каждой сессии ГА ООН на основе следующей методологии: 1 = за; 2 = воздержался²; 3 = против.

Проблема вариации количества стран в зонах влияния государств — участников БРИКС и МИКТА была решена посредством использования метода однофакторного дисперсионного анализа. Применение этого метода позволило осуществить межгрупповое сопоставление распределений значений нескольких выборов.

В качестве *зависимой переменной* для дисперсионного анализа было выбрано среднее значение «индекса согласия» государства — участника БРИКС и МИКТА с государствами, принадлежащими к их регионам, за каждый год из указанного выше временного интервала. Предиктором выступила переменная «блок», которая содержит 5 анализируемых групп, сформированных отдельно по числу стран — участниц БРИКС и отдельно по числу стран — участниц МИКТА. Таким образом, для проведения дисперсионного анализа были сформированы две выборки: выборка 1 (БРИКС), выборка 2 (МИКТА).

Нулевой гипотезой исследования выступает утверждение, что средние значения «индекса согласия» каждой рассматриваемой группы равны между собой. Высокое значение среднего «индекса согласия» указывает на признание регионального лидерства стран — участниц БРИКС и МИКТА государствами-последователями, принадлежащими к их регионам.

Альтернативной гипотезой исследования выступает утверждение, что как минимум две группы отличаются друг от друга по среднему значению индекса согласия. То есть факт принадлежности к БРИКС или МИКТА, а также наличие внушительной ресурсной базы не обязательно влечет одинаковое восприятие таких государств от региона к региону и, следовательно, легитимизацию всех таких держав в качестве лидеров на региональном уровне.

Результаты исследования

Как видно из гистограммы частот (см. рис. 1), все государства — участники БРИКС и МИКТА действительно превышают по значениям индекса CINC вместе взятые страны-последователи, принадлежащие к их регионам. При этом силовые показатели государств БРИКС в среднем значительно превосходят показатели государств МИКТА, что эмпирически верифицирует проведение различий между этими странами с точки зрения материальных атрибутов силы на уровне глобальной системы международных отношений. Таким образом, идентификация государств БРИКС и МИКТА как региональных лидеров представляется оправданной с точки зрения силовых атрибутов лидерства.

Важными предварительными условиями корректного проведения однофакторного дисперсионного анализа являются, во-первых, проверка нормальности

---

² Воздержание оценивается как частичное согласие с позицией за или против.

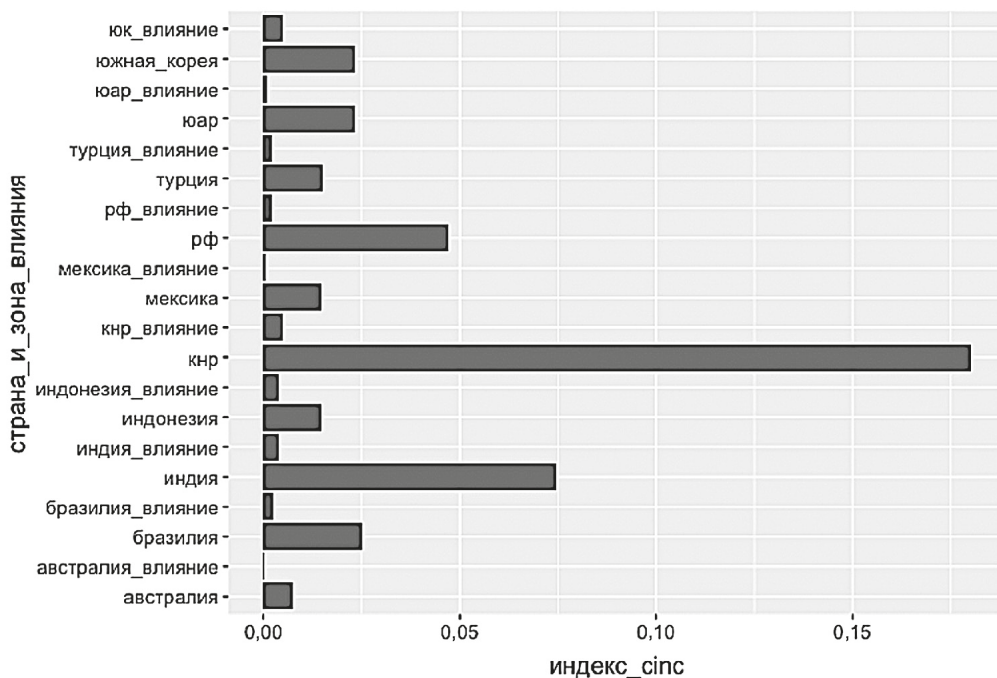

Рис. 1. Среднее значение индекса CINC для стран — участниц БРИКС и МИКТА и стран, принадлежащих к их регионам влияния (1993–2016)

Таблица 2. Результат проверки распределения зависимой переменной на нормальность для выборки 2

Группа	Результат
Австралия/ФТС	W = 0,96177, p-value = 0,3631
Индонезия/АСЕАН	W = 0,95965, p-value = 0,3223
Мексика/СЦИ	W = 0,96702, p-value = 0,4821
Турция/MENA/ОТГ	W = 0,9601, p-value = 0,3306
Южная Корея/АСЕАН	W = 0,9812, p-value = 0,8676

распределения зависимой переменной, во-вторых, проверка однородности групповых дисперсий. При этом значимым будет отличие распределения от нормального хотя бы для одной группы. Использование статистического критерия Шапиро — Уилка показало, что распределения среднего значения индекса согласия России с государствами-последователями, принадлежащими к ее региону, отличается от нормального ($W = 0,9132$, $p\text{-value} = 0,02058$). Как видно из табл. 2, распределения зависимой переменной для выборки 2 не отличаются от нормального. Однако использование статистического критерия Бартлетта показало, что групповые дисперсии в выборке 2 неоднородные ($K\text{-squared} = 94,714$, $df = 4$, $p\text{-value} < 2,2e-16$).

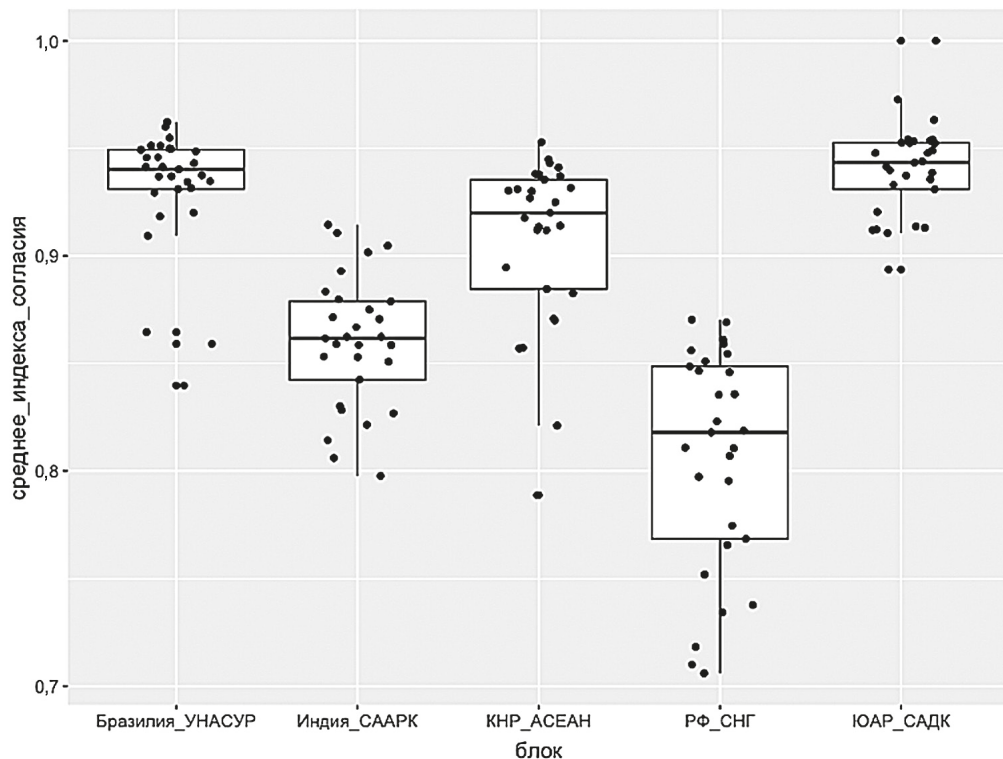

Рис. 2. Распределение значений зависимой переменной для государств — участников БРИКС и стран, принадлежащих к их регионам влияния (1993–2021)

Следовательно, для межгруппового сравнения сплочения по линии государства — участники БРИКС и МИКТА — страны-последователи был использован метод однофакторного дисперсионного анализа Краскела — Уоллиса. Посредством этого метода представляется возможным сравнить несколько групп в ситуации, когда не выполняются условия нормальности распределения и гомогенности групповых дисперсий [55].

Из диаграммы (см. рис. 2) видно, что за период с 1993 по 2021 г. большую медианную сплоченность голосования в ГА ООН среди государств — участников БРИКС продемонстрировали блоки ЮАР/САДК, Бразилия/УНАСУР, КНР/АСЕАН. Следовательно, наименьшую медианную сплоченность за указанный период продемонстрировали блоки Индия/СААРК и РФ/СНГ.

Интерес вызывает, с одной стороны, небольшой межквартильный размах значений для блоков Бразилия/УНАСУР, ЮАР/САДК. Большая часть результатов наблюдений в рамках этих групп сконцентрировано в интервале между 25-м и 75-м процентилями. При этом минимальные и максимальные значения без учета выбросов расположены относительно близко к границам первого и третьего квартилей, т. е. в интервале значений от 0,9 до 1. Особенно это характерно для блока Бразилия/УНАСУР. Все это говорит о стабильно высоком уровне сплоченности указанных блоков на дистанции относительно других в рамках выборки 1.

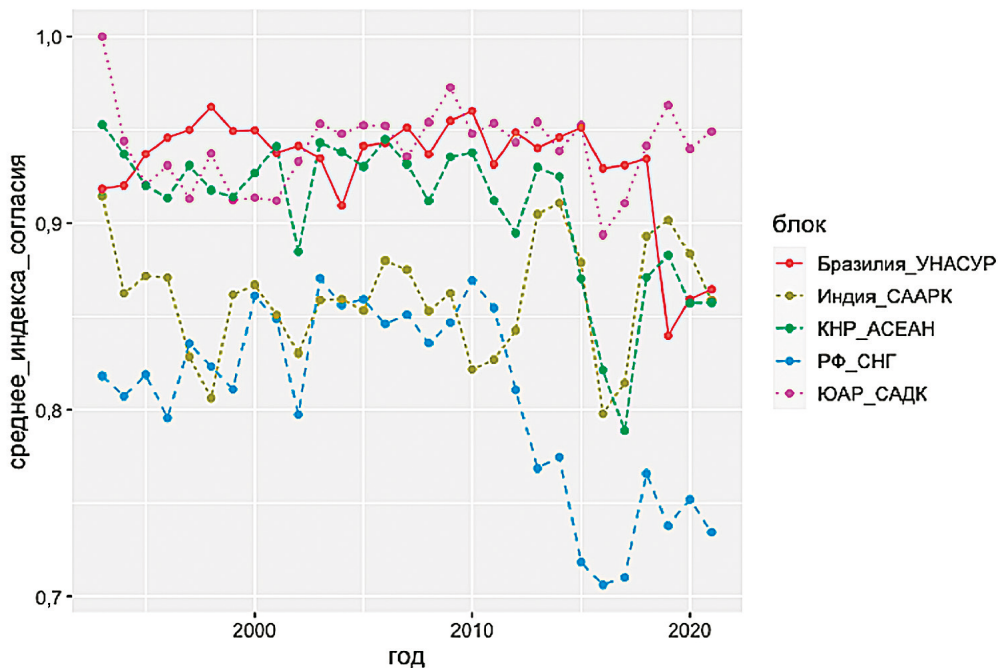

Рис. 3. Распределение значений зависимой переменной по годам для государств — участников БРИКС и стран, принадлежащих к их регионам влияния (1993–2021)

Сопряжение КНР со странами АСЕАН отличается в худшую сторону по сравнению с рассмотренными выше блоками. Несмотря на довольно высокую медианную сплоченность, существенное количество наблюдений отклоняются от медианы выборки в сторону нижней границы значений. То есть для блока КНР/АСЕАН за рассматриваемый период преобладающая выраженность в голосовании менее выражена, чем для блоков Бразилия/УНАСУР и ЮАР/САДК.

Вместе с тем из диаграммы также следует, что самый большой межквартильный размах характерен для блока РФ/СНГ. При этом минимальные значения в рамках этой группы значительно отклоняются от третьего квартиля в сторону минимального значения. Это говорит о том, что уровень сопряжения позиций России и стран СНГ в ГА ООН за указанный период, во-первых, был нестабильным, т. е. отличался значительным проседанием «индекса согласия», во-вторых, варьировался от страны к стране.

Более того, из диаграммы на рис. 3 видно, что тренд на снижение уровня сопряжения в ГА ООН стран БРИКС со странами, принадлежащими к их регионам влияния, фиксируется приблизительно с момента завершения оформления объединения в нынешнем составе в 2011 г. Это наблюдение можно объяснить, во-первых, внутренними проблемами стран БРИКС: стагнация экономического развития и политические кризисы; во-вторых, трансформацией накопленной экономической мощи в более активную политическую роль на региональном уровне, что вызывало ухудшение отношений с теми или иными державами, принадлежащими к их регионам; в-третьих, невысокой эффективностью региональных интеграционных проектов этих стран [56–63].

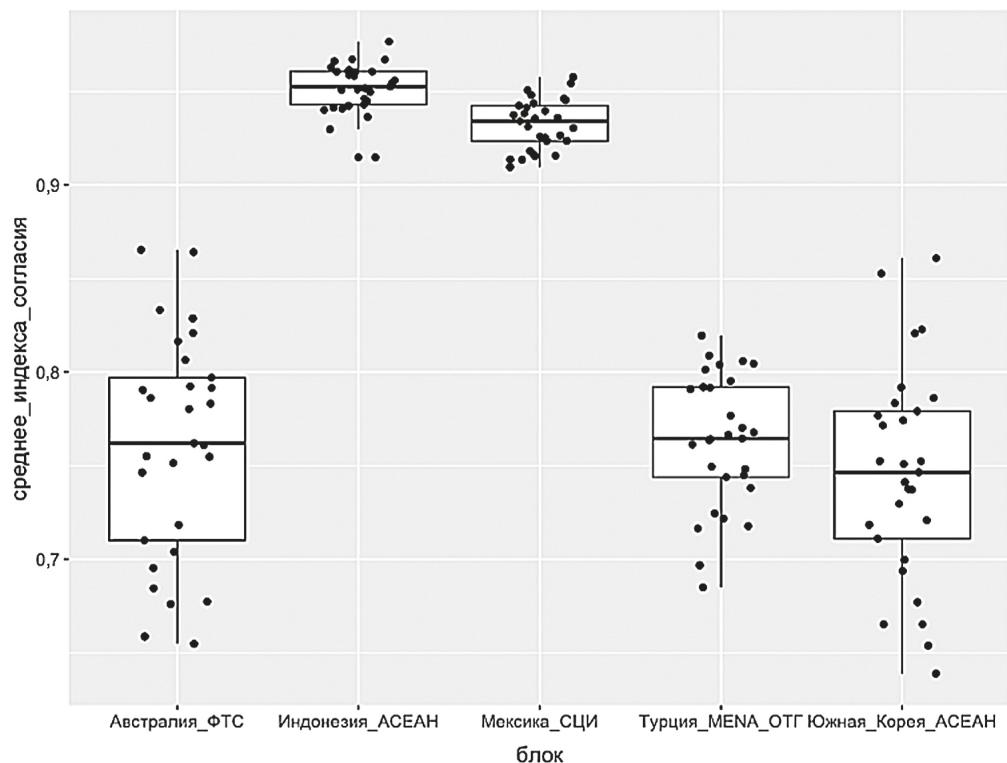

Рис. 4. Распределение значений зависимой переменной для государств — участников МИКТА и стран, принадлежащих к их регионам влияния (1993–2021)

В свою очередь из диаграммы на рис. 4 можно сделать несколько другие промежуточные выводы. Во-первых, наблюдается существенное отличие блоков Индонезия/АСЕАН и Мексика/СЦИ от остальных блоков этой выборки в плане вариации «индекса согласия». При этом и межквартильный размах значений для этих блоков, и минимальные/максимальные значения в среднем меньше, чем для блоков Бразилия/УНАСУР, ЮАР/САДК, КНР/АСЕАН. Во-вторых, медианная сплоченность блоков Австралии, Турции и Южной Кореи в среднем ниже, чем у блоков-аутсайдеров первой выборки. В-третьих, из диаграммы на рис. 5 нельзя сделать вывод по аналогии со странами БРИКС о снижении в среднем значений индекса согласия стран МИКТА со странами, принадлежащими к их регионам влияния, с 2013 г., когда на полях ГА ООН было основано это объединение. В-четвертых, из графиков видно, что страны БРИКС в среднем более репрезентативны как региональные лидеры с точки зрения легитимности их лидерства. Средняя региональная сплоченность стран БРИКС с государствами, принадлежащими к их зонам влияния, составляет около 0,9, тогда как для стран МИКТА — около 0,83. В-пятых, вызывают интерес для дальнейшего изучения данные блока Турция/MENA/ОТГ. Несмотря на отсутствие у Турции регионального проекта, высокий уровень конфликтности в рамках регионального пространства Ближнего Востока и Северной Африки, межквартильный размах распределения значений зависимой переменной меньше, чем для РФ. То есть сопряжение позиций Турции с государствами, входящими в зону ее

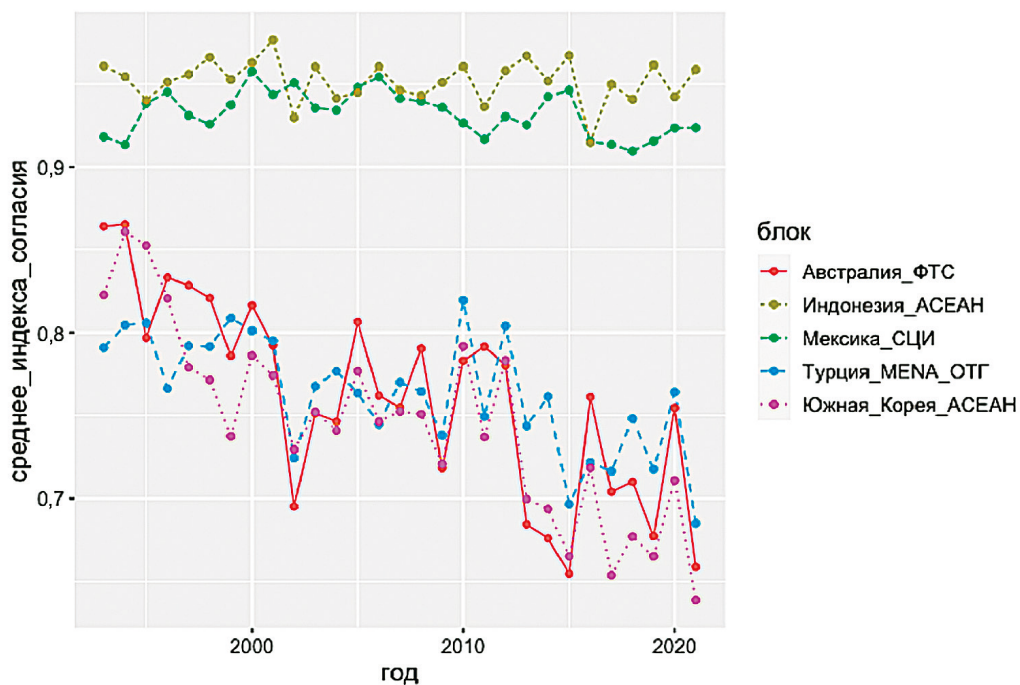

Рис. 5. Распределение значений зависимой переменной по годам для государств — участников МИКТА и стран, принадлежащих к их регионам влияния (1993–2021)

влияния, было более устойчивым к внешним факторам, чем сопряжение позиций РФ со странами СНГ.

Результаты применения метода однофакторного дисперсионного анализа Краскела — Уоллиса позволяют отклонить нулевую гипотезу как для выборки 1 ($Kruskal - Wallis\ chi-squared = 97,693, df = 4, p-value < 2,2e-16$), так и для выборки 2 ($Kruskal - Wallis\ chi-squared = 108,09, df = 4, p-value < 2,2e-16$). Это статистически подтверждает представленные выше промежуточные выводы о неравенстве медианной сплоченности голосования в ГА ООН государств БРИКС и МИКТА и стран, принадлежащих к их регионам влияния. То есть факт участия в форматах БРИКС или МИКТА, а также наличие внушительной ресурсной базы не обязательно влечет одинаковое восприятие таких государств странами, принадлежащими к их регионам влияния, и, следовательно, легитимизацию всех таких держав без исключения в качестве лидеров на региональном уровне.

Важно при этом отметить, что метод однофакторного дисперсионного анализа Краскела — Уоллиса позволяет нам количественно верифицировать только лишь факт отличия как минимум двух групп в каждой выборке друг от друга. Определить наверняка, какие именно группы статистически значимо отличаются друг от друга, посредством этого метода не представляется возможным. Решить проблему множественных сравнений, как правило, возможно при помощи критерия Тьюки. Однако в нашем случае критерий Тьюки неприменим по причине невыполнения условий нормальности распределения данных и однородности групповых дисперсий. Тем не менее это методологическое ограничение не умаляет важность полу-

ченных результатов, так как необходимость статистически значимого подтверждения отличия конкретных групп друг от друга не заявлялась в качестве задачи исследования.

Заключение

Проведенный анализ не позволил подтвердить гипотезу о влиянии фактора участия государств в транснациональных форматах БРИКС и МИКТА на достижение ими регионального лидерства. Использование силового и интересубъективного критериев для операционализации регионального лидерства этих стран дало противоречивые результаты. С одной стороны, посредством использования индекса CINC за период с 1993 по 2016 г. удалось эмпирически верифицировать силовое превосходство государств БРИКС и МИКТА над странами, принадлежащими к их регионам влияния, вместе взятыми. При этом был зафиксирован в среднем существенный силовой отрыв стран БРИКС от стран МИКТА, что подтверждает отнесение последних в литературе преимущественно к державам среднего уровня в контексте глобальной системы международных отношений.

С другой стороны, несмотря на значимые количественные отличия стран БРИКС и МИКТА от государств, принадлежащих к регионам их влияния, в плане ресурсной базы, легитимность регионального лидерства государств БРИКС и МИКТА в период с 1993 по 2021 г. не удалось верифицировать посредством использования данных о голосовании в ГА ООН. В результате применения метода однофакторного дисперсионного анализа Краскела — Уоллиса были зафиксированы статически значимые различия с точки зрения признания лидерства как для стран БРИКС, так и для стран МИКТА. Только для блоков Бразилия/УНАСУР, КНР/АСЕАН, ЮАР/САДК, Индонезия/АСЕАН, Мексика/СЦИ характерны и высокий показатель медианной сплоченности на исследуемом временном отрезке, и относительно небольшой межквартильный размах значений «индекса согласия».

Помимо этого, в отличие от стран МИКТА для стран — участниц формата БРИКС характерен тренд на снижение уровня сопряжения в ГА ООН с государствами, принадлежащими к их регионам влияния. Примечательно, что этот тренд фиксируется приблизительно с момента завершения оформления объединения в нынешнем составе в 2011 г. Этот результат можно объяснить большим количеством факторов: от стагнации экономического развития стран БРИКС до невысокой эффективности региональных интеграционных проектов этих стран. Несмотря на описанное наблюдение, эмпирические данные подтверждают в среднем большую репрезентативность стран БРИКС как региональных лидеров с точки зрения легитимности их лидерства, но недостаточную для утверждения о наличии корреляции между ресурсной обеспеченностью регионального лидерства государства и признанием такого государства в качестве лидера.

Безусловно, данное исследование не является окончательным и имеет потенциал для более углубленного изучения проблематики. Во-первых, представляется необходимым проведение множественных сравнений для подтверждения, какие именно группы государств БРИКС и МИКТА статистически значимо отличаются друг от друга. Во-вторых, необходимо изучение факторов, определяющих такие различия и объясняющих сходство тех или региональных блоков в рамках форматов БРИКС

и МИКТА друг с другом. В-третьих, использование индекса CINC имеет ограничения, связанные, с одной стороны, с наличием данных только до 2016 г., с другой — ориентацией индекса только на оценку материальных атрибутов силы. Использование индекса, методология которого охватывает также и ценностные атрибуты, вероятно, позволило бы уточнить полученные в исследовании результаты.

Литература

1. Kesgin, B. and Wehner, L.E. (2022), The “I” in BRICS: Leadership traits of Indian prime ministers and India’s role adaptation to rising status in world politics, *Journal of International Relations and Development*, no. 25, pp. 370–398. <https://doi.org/10.1057/s41268-021-00242-y>
2. Van Noort, C. (2019), The Construction of Power in the Strategic Narratives of the BRICS, *Global Society*, vol. 33, no. 4, pp. 62–478. <https://doi.org/10.1080/13600826.2019.1581733>
3. Cooper, A.F. (2021), China, India and the pattern of G20/BRICS engagement: Differentiated ambivalence between ‘rising’ power status and solidarity with the Global South, *Third World Quarterly*, vol. 42, no. 9, pp. 1945–1962. <https://doi.org/10.1080/01436597.2020.1829464>
4. Beeson, M. and Zeng, J. (2018), The BRICS and global governance: China’s contradictory role, *Third World Quarterly*, vol. 39, no. 10, pp. 1962–1978. <https://doi.org/10.1080/01436597.2018.1438186>
5. Shipton, L. and Dauvergne, P. (2021), The Politics of Transnational Advocacy Against Chinese, Indian, and Brazilian Extractive Projects in the Global South, *The Journal of Environment & Development*, vol. 30, no. 3, pp. 240–264. <https://doi.org/10.1177/10704965211019083>
6. Gray, K. and Murphy, C.N. (2013), Introduction: rising powers and the future of global governance, *Third World Quarterly*, vol. 34, no. 2, pp. 183–193. <https://doi.org/10.1080/01436597.2013.775778>
7. Hurrell, A. (2006), Hegemony, Liberalism and Global Order: What Space for Would-Be Great Powers?, *International Affairs (Royal Institute of International Affairs 1944–)*, vol. 82, no. 1, pp. 1–19. URL: <http://www.jstor.org/stable/3569127> (дата обращения: 31.03.2023).
8. Stuenkel, O. (2016), *The BRICS and the Future of Global Order*, Washington: The Brookings Institution Press, Lexington Books.
9. Hurrell, A. (2019). Rising powers and the emerging global order, in: Zartman, W. (ed.), *The Globalization of World Politics: An Introduction to International Relations*. 8th ed., Oxford University Press. URL: <https://www.oxfordpoliticstrove.com/display/10.1093/hepl/9780198825548.001.0001/hepl-9780198825548-chapter-5> (дата обращения: 31.03.2023).
10. Жданов, П. А. (2013), «Группа двадцати» в терминах и категориях сетевого подхода, *Вестник международных организаций*, т. 8, № 3, с. 61–72.
11. Malhotra, A. (2022), *India in the Indo-Pacific. Understanding India’s Security Orientation towards Southeast and East Asia International and Security Studies*, Berlin, Toronto: Verlag Barbara Budrich Open. URL: <https://library.oapen.org/bitstream/handle/20.500.12657/57067/1/9783847418443.pdf> (дата обращения: 31.03.2023).
12. Киргон, Дж. и Ларионова, М.В. (2022), БРИКС. Первые 15 лет сотрудничества, *Вестник международных организаций*, т. 17, № 2, с. 7–30. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2022-02-01>
13. Brosig, M. (2019), *The Role of BRICS in Large-Scale Armed Conflict. Building a Multi-Polar World Order*, Palgrave Macmillan Champ. URL: <https://link.springer.com/book/10.1007/978-3-030-18537-4#affiliations> (дата обращения: 31.03.2023).
14. Dijkhuizen, F. and Onderco, M. (2019), Sponsorship behaviour of the BRICS in the United Nations General Assembly, *Third World Quarterly*, vol. 40, no. 11, URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/01436597.2019.1622411> (дата обращения: 31.03.2023).
15. Liff, A.P. and Ikenberry, G.J. (2014), Racing toward Tragedy? China’s Rise, Military Competition in the Asia Pacific, and the Security Dilemma, *International Security*, vol. 39, no. 2, pp. 52–91. URL: <http://www.jstor.org/stable/24480583> (дата обращения: 31.03.2023).
16. Lind, J. (2018), Life in China’s Asia: What Regional Hegemony Would Look Like, *Foreign Affairs*, vol. 97, no. 2, pp. 71–82. URL: <http://www.jstor.org/stable/44822082> (дата обращения: 31.03.2023).
17. Бусыгина, И., Григорьев, И., Декальчук, А., Кабанов, Ю., Кривохиж, С. и Соболева, Е. (2020), Модели регионального лидерства в Евразии: к новой исследовательской повестке, *Мировая экономика и международные отношения*, т. 64, № 11, с. 114–123. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-11-114-123>

18. Бусыгина, И. (2019), Региональное лидерство в международных отношениях и роль России в Евразии, *Общественные науки и современность*, 2019, № 4. С. 121–133.
19. Hulse, M. (2016), Regional powers and leadership in regional institutions: Nigeria in ECOWAS and South Africa in SADC, *KFG Working Paper Series*, vol. 76, Berlin: Freie Universität Berlin, FB Politik- und Sozialwissenschaften, Otto-Suhr-Institut für Politikwissenschaft Kolleg-Forschergruppe “The Transformative Power of Europe”. URL: <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0168-ssoar-48897-9> (дата обращения: 31.03.2023).
20. Wilson, J. D. (2018), Rescaling to the Indo-Pacific: From Economic to Security-Driven Regionalism in Asia, *East Asia*, no. 35, pp. 177–196. <https://doi.org/10.1007/s12140-018-9285-6>
21. Mesquita, R. and Chien, J. H. (2021), Do regional powers prioritise their regions? Comparing Brazil, South Africa and Turkey, *Third World Quarterly*, vol. 42, no. 7, pp. 1544–1565. <https://doi.org/10.1080/01436597.2021.1898280>
22. Schenoni, L. L. (2018), The Argentina-Brazil Regional Power Transition, *Foreign Policy Analysis*, vol. 14, no. 4, pp. 469–489. <https://doi.org/10.1093/fpa/orx008>
23. Brosig, M. (2021), Has BRICS lost its appeal? The foreign policy value added of the group, *International Politics*. <https://doi.org/10.1057/s41311-021-00327-y>
24. Schiavon, J. A. and Dominguez, D. (2016), Mexico, Indonesia, South Korea, Turkey, and Australia (MIKTA): Middle, Regional, and Constructive Powers Providing Global Governance, *Asia & the Pacific Policy Studies*, vol. 3, no. 3, pp. 495–504. <https://doi.org/10.1002/app5.148>
25. Cooper, A. F. (2016), Testing middle power's collective action in a world of diffuse power, *International Journal*, vol. 71, no. 4, pp. 529–544. <https://doi.org/10.1177/0020702016686384>
26. Robertson, J. (2018), *South Korea's quandary: what to do about MIKTA?* November. URL: <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/south-korea-s-quandary-what-do-about-mikta> (дата обращения: 31.03.2023).
27. Gök, O. G. and Karadeniz, R. F. (2020), Emerging Middle Powers (MIKTA) in Global Political Economy: Preferences, Capabilities, and Their Limitations, in: Parlar Dal, E. (ed.), *Turkey's Political Economy in the 21st Century*. International Political Economy Series, Palgrave Macmillan, Cham, pp. 163–194. https://doi.org/10.1007/978-3-030-27632-4_7
28. Шлыков, П. В. (2017), Поиск трансрегиональных альтернатив в Евразии: феномен МИКТА, *Сравнительная политика*, т. 8, № 4, с. 127–144.
29. Kim, S.-M., *South Korea's Middle-Power Diplomacy: Changes and Challenges*. June 2016. URL: <https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/publications/research/2016-06-22-south-korea-middle-power-kim.pdf> (дата обращения: 31.03.2023).
30. Dal, E. P. and Kursun, A. M. (2016), Assessing Turkey's middle power foreign policy in MIKTA: Goals, means, and impact, *International Journal*, vol. 71, no. 4, pp. 608–629. URL: <https://www.jstor.org/stable/26414060> (дата обращения: 31.03.2023).
31. Robertson, J. (2017), Middle-power definitions: confusion reigns supreme, *Australian Journal of International Affairs*, vol. 71, no. 4, pp. 355–370. <https://doi.org/10.1080/10357718.2017.1293608>
32. Вершинина, В. В. (2020), «Державы среднего уровня» в международных отношениях: сравнительный анализ концептуальных подходов, *Сравнительная политика*, т. 11, № 3, с. 25–40. <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2020-10034>
33. Jordaаn, E. (2003), The Concept of a Middle Power in International Relations: Distinguishing between Emerging and Traditional Middle Powers, *Politikon: South African Journal of Political Studies*, vol. 30, no. 1, pp. 165–181. <https://doi.org/10.1080/0258934032000147282>
34. Burges, S. (2013), Mistaking Brazil for a Middle Power, *Journal of Iberian and Latin American Research*, vol. 19, no. 2, pp. 286–302. <https://doi.org/10.1080/13260219.2013.853358>
35. Patrick, S. M. (2021), *MIKTA in the Middle: A Little-Known Multilateral Group Turns Five*, September. URL: <https://www.cfr.org/blog/mikta-middle-little-known-multilateral-group-turns-five> (дата обращения: 31.03.2023).
36. Haass, R. N. (2008), The Age of Nonpolarity: What Will Follow U.S. Dominance, *Foreign Affairs*, vol. 87, no. 3, pp. 44–56. URL: <http://www.jstor.org/stable/20032650> (дата обращения: 31.03.2023).
37. Osterud, O. (1992), Regional Great Powers, in: Neumann, I. B. (ed.), *Regional Great Powers in International Politics*, Basingstoke: St. Martin's Press, pp. 1–15.
38. Nolte, D. (2010), How to compare regional powers: Analytical concepts and research topics, *Review of International Studies*, vol. 36, no. 4, pp. 881–901. <https://doi.org/10.1017/S026021051000135X>
39. Duque, M. G. (2018), Recognizing International Status: A Relational Approach, *International Studies Quarterly*, vol. 62, no. 3, pp. 577–592. <https://doi.org/10.1093/isq/sqy001>

40. Hurrell, A. (2000), Some reflections on the role of intermediate powers in international institutions, in *Paths to Power: Foreign Policy Strategies of Intermediate States*, Woodrow Wilson International Center for Scholars, pp. 1–15. URL: <https://www.corteidh.or.cr/tablas/15011.PDF> (дата обращения: 31.03.2023).
41. Argounès, F. (2012), Australia: The Temptation of Regional Power, *Pouvoirs*, vol. 141, no. 2, pp. 103–116. <https://doi.org/10.3917/pouv.141.0103>
42. Abbondanza, G. (2022), Whither the Indo-Pacific? Middle power strategies from Australia, South Korea and Indonesia, *International Affairs*, vol. 98, no. 2, pp. 403–421. <https://doi.org/10.1093/ia/iab231>
43. Hayward-Jones, J. (2015), Australia and Security in the Pacific Islands Region, in: Azizian, R. and Cramer, C. (eds), *Regionalism, Security & Cooperation in Oceania*, Honolulu: Asia-Pacific Center for Security Studies, pp. 67–78.
44. Shim, D. and Flamm, P. (2012), *Rising South Korea: A Minor Player or a Regional Power?* German Institute of Global and Area Studies, July. URL: https://www.files.ethz.ch/isn/151160/wp200_shim-flamm.pdf (дата обращения: 31.03.2023).
45. Bridges, B. (2014), From ASPAC to EAS: South Korea and Southeast Asia, *Asian Affairs*, vol. 41, no. 2, pp. 33–55. URL: <http://www.jstor.org/stable/44074542> (дата обращения: 31.03.2023).
46. Derwich, K. (2015), Mexico: a regional power or a failed State? *Politica & Sociedade*, vol. 14, no. 8, pp. 8–26. <https://doi.org/10.5007/2175-7984.2015v14n30p8>
47. Senkyr, J. (2010), *Turkey on the road to becoming a regional power*, Konrad Adenauer Stiftung. URL: <http://www.jstor.org/stable/resrep10049> (дата обращения: 31.03.2023).
48. Singer, J. D., Bremer, S. and Stuckey, J. (1972), Capability Distribution, Uncertainty, and Major Power War, 1820–1965, in: Russett, B. (ed.), *Peace, War, and Numbers*, Beverly Hills: Sage, pp. 19–48.
49. Ward, S. (2020), Status from fighting? Reassessing the relationship between conflict involvement and diplomatic rank, *International Interactions*, vol. 46, no. 2, pp. 274–290. <https://doi.org/10.1080/03050629.2020.1708350>
50. Дегтерев, Д. А. и Рамич, М. С. (2021), Стратегические треугольники как инструмент балансирования в мировой политике, *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, т. 14, № 3, с. 23–43. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2021-14-3-2>
51. National Material Capabilities (v6.0). URL: <https://correlatesofwar.org/data-sets/national-material-capabilities/> (дата обращения: 31.03.2023).
52. Voeten, E. (2004), Resisting the Lonely Superpower: Responses of States in the United Nations to U.S. Dominance, *The Journal of Politics*, vol. 66, no. 3, pp. 729–754. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2508.2004.00274.x>
53. Voeten, E. (2000), Clashes in the Assembly, *International Organization*, vol. 54, no. 2, pp. 185–215. <https://doi.org/10.1162/002081800551154>
54. Voeten, E., Strezhnev, A. and Bailey, M. (2009), United Nations General Assembly Voting Data, *Harvard Dataverse*, V29. <https://doi.org/10.7910/DVN/LEJUQZ>
55. Murray, L. (2010), *Biostatistical Design and Analysis Using R: A Practical Guide*. URL: http://www.ievbras.ru/ecostat/Kiril/R/Biblio_N/R_Eng/Logan2010.pdf (дата обращения: 31.03.2023).
56. Акаева, Б. А. (2017), Проблемы и риски динамичного развития стран БРИКС, *Век глобализации*, т. 21, № 1, с. 73–85.
57. Дикарев, А. и Лукин, А. (2021) Подход КНР к территориальным спорам в Южно-Китайском море и внешняя политика России, *Мировая экономика и международные отношения*, т. 65, № 2, с. 5–15. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-2-5-15>
58. Коргунов, А. (2022), Три десятилетия болезненных корректировок: Россия на постсоветском пространстве, *РСМД*. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/tri-desyatiletiya-bolezennyykh-korrektirovok-rossiya-na-postsovetskom-prostranstve/> (дата обращения: 31.03.2023).
59. Посашкова, А. В. (2018), Роль Бразилии в развитии интеграционных процессов на южноамериканском континенте, *Вестник Московского университета. Серия 27. Глобалистика и геополитика*, № 2, с. 63–69.
60. Костюнина, Г. М. (2022), Ассоциация регионального сотрудничества стран Южной Азии (СААРК): тенденции интеграционного взаимодействия и внешняя торговля с Россией, *Российский внешнеэкономический вестник*, № 10, с. 38–53.
61. Шикин, В. (2017), «Один пояс — один путь» в Южной Азии, или как расходятся дороги Китая и Индии, *РСМД*. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/odin-poayas-odin-put-v-yuzhnoy-azii-ili-kak-raskhodyatsya-dorogi-kitaya-i-indii/?sphrase_id=93434034 (дата обращения: 31.03.2023).
62. Вакарчук, Д. О. (2021), Развитие интеграции на постсоветском пространстве: опыт сетевого анализа, в: *Политическое проектирование в пространстве социальных коммуникаций: Тридцать*

лет без СССР: политические институты и международно-политические практики на постсоветском пространстве: Материалы XIII Междунар. науч. конф. Москва, 21 мая 2021 г., Российский государственный гуманитарный университет; Российская ассоциация политической науки. М., 2021, с. 200–208.

63. Маркедонов, С. М. (2017), Постсоветское пространство: распад или сохранение?, *Вестник РГГУ. Серия Политология. История. Международные отношения*, № 2, с. 9–16.

Статья поступила в редакцию 1 мая 2023 г.;
рекомендована к печати 15 июня 2023 г.

Контактная информация:

Вакарчук Денис Олегович — канд. ист. наук, доц.; vakarchuk.d@rggu.ru

Empirical verification of the regional leadership concept on the example of rising powers

D. O. Vakarchuk

Russian State University for the Humanities,
6, Miusskaya pl., Moscow, 125993, Russian Federation

For citation: Vakarchuk D. O. Empirical verification of the concept of regional leadership on the example of rising powers. *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*, 2023, vol. 16, issue 3, pp. 255–274. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2023.304> (In Russian)

In the domestic and foreign scientific literature, a consensus has appeared on the identification of the rising state's status as a regional power. Most often, the BRICS countries are being identified as rising states. In recent years, publications identified the MIKTA countries as rising middle powers that already have the status of regional powers or tend to be such. The purpose of the article is to determine whether participation in the BRICS and MIKTA formats allows states to strengthen their regional leadership or claim regional leadership. As a part of the empirical study the regional leadership of the BRICS and MIKTA states, on the one hand, is being considered from the point of assessing the material power attributes throughout the use of the Composite Index of National Capability; on the other hand, we proceed from a constructivist approach to the leadership concept. This approach allows us to consider leadership as a constructed category depending on the recognition by powers of a different order as belonging to the region, the legitimacy of the regional leader status for one or another state of the BRICS and MIKTA. Methodologically we proceed from the fact that the category of legitimacy can be operationalized by identifying the cohesion of voting in the UN General Assembly of the BRICS and MIKTA states with the states belonging to their regions. The top numbers of the similarity index average value indicate the recognition of the regional leadership of the BRICS and MIKTA member states by the follower states belonging to their regions. At the level of the hypothesis, it is expected that the average values of the similarity index, firstly, will be equal for the BRICS countries and the MIKTA countries, and secondly, they will be set to top values. Thus, this article is to determine the correlation between the resource endowment of the state's regional leadership and the legitimacy of such leadership.

Keywords: BRICS, MIKTA, rising powers, regional leadership, regional power, UN General Assembly, quantitative analysis.

References

1. Kesgin, B. and Wehner, L. E. (2022), The “I” in BRICS: Leadership traits of Indian prime ministers and India's role adaptation to rising status in world politics, *Journal of International Relations and Development*, no. 25, pp. 370–398. <https://doi.org/10.1057/s41268-021-00242-y>

2. Van Noort, C. (2019), The Construction of Power in the Strategic Narratives of the BRICS, *Global Society*, vol. 33, no. 4, pp. 62–478. <https://doi.org/10.1080/13600826.2019.1581733>
3. Cooper, A. F. (2021), China, India and the pattern of G20/BRICS engagement: Differentiated ambivalence between 'rising' power status and solidarity with the Global South, *Third World Quarterly*, vol. 42, no. 9, pp. 1945–1962. <https://doi.org/10.1080/01436597.2020.1829464>
4. Beeson, M. and Zeng, J. (2018), The BRICS and global governance: China's contradictory role, *Third World Quarterly*, vol. 39, no. 10, pp. 1962–1978. <https://doi.org/10.1080/01436597.2018.1438186>
5. Shipton, L. and Dauvergne, P. (2021), The Politics of Transnational Advocacy Against Chinese, Indian, and Brazilian Extractive Projects in the Global South, *The Journal of Environment & Development*, vol. 30, no. 3, pp. 240–264. <https://doi.org/10.1177/10704965211019083>
6. Gray, K. and Murphy, C. N. (2013), Introduction: rising powers and the future of global governance, *Third World Quarterly*, vol. 34, no. 2, pp. 183–193. <https://doi.org/10.1080/01436597.2013.775778>
7. Hurrell, A. (2006), Hegemony, Liberalism and Global Order: What Space for Would-Be Great Powers?, *International Affairs (Royal Institute of International Affairs 1944–)*, vol. 82, no. 1, pp. 1–19. Available at <http://www.jstor.org/stable/3569127> (accessed: 31.03.2023).
8. Stuenkel, O. (2016), *The BRICS and the Future of Global Order*, Washington: The Brookings Institution Press, Lexington Books.
9. Hurrell, A. (2019), Rising powers and the emerging global order, in: Zartman, W. (ed.), *The Globalization of World Politics: An Introduction to International Relations*. 8th ed., Oxford University Press. Available at: <https://www.oxfordpoliticalscience.com/display/10.1093/hepl/9780198825548.001.0001/hepl-9780198825548-chapter-5> (accessed: 31.03.2023).
10. Zhdanov, P. A. (2013), G20 in terms and categories of the network approach, *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii*, vol. 8, no. 3, pp. 61–72. (In Russian)
11. Malhotra, A. (2022), *India in the Indo-Pacific. Understanding India's Security Orientation towards Southeast and East Asia International and Security Studies*, Berlin, Toronto: Verlag Barbara Budrich Op-laden. Available at: <https://library.oapen.org/bitstream/handle/20.500.12657/57067/1/9783847418443.pdf> (accessed: 31.03.2023).
12. Kirton, Dzh. and Larionova, M. V. (2022), BRICS. First 15 years of cooperation, *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii*, vol. 17, no. 2, pp. 7–30. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2022-02-01> (In Russian)
13. Brosig, M. (2019), *The Role of BRICS in Large-Scale Armed Conflict. Building a Multi-Polar World Order*, Palgrave Macmillan Champ. Available at: <https://link.springer.com/book/10.1007/978-3-030-18537-4/affiliations> (accessed: 31.03.2023).
14. Dijkhuizen, F. and Onderco, M. (2019), Sponsorship behaviour of the BRICS in the United Nations General Assembly, *Third World Quarterly*, vol. 40, no. 11. Available at: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/01436597.2019.1622411> (accessed: 31.03.2023).
15. Liff, A. P. and Ikenberry, G. J. (2014), Racing toward Tragedy? China's Rise, Military Competition in the Asia Pacific, and the Security Dilemma, *International Security*, vol. 39, no. 2, pp. 52–91. Available at: <http://www.jstor.org/stable/24480583> (accessed: 31.03.2023).
16. Lind, J. (2018), Life in China's Asia: What Regional Hegemony Would Look Like, *Foreign Affairs*, vol. 97, no. 2, pp. 71–82. Available at: <http://www.jstor.org/stable/44822082> (accessed: 31.03.2023).
17. Busygina, I., Grigor'ev, I., Dekalchuk, A., Kabanov, Y., Krivohizh, S. and Soboleva, E. (2020), Models of regional leadership in Eurasia: towards a new research agenda, *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia*, vol. 64, no. 11, pp. 114–123. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-11-114-123> (In Russian)
18. Busygina, I. (2019), Regional leadership in international relations and the role of Russia in Eurasia, *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 4, pp. 121–133. (In Russian)
19. Hulse, M. (2016), Regional powers and leadership in regional institutions: Nigeria in ECOWAS and South Africa in SADC, *KFG Working Paper Series*, vol. 76, Berlin: Freie Universität Berlin, FB Politik- und Sozialwissenschaften, Otto-Suhr-Institut für Politikwissenschaft Kolleg-Forscherguppe "The Transformative Power of Europe". Available at: <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0168-ssoar-48897-9> (accessed: 31.03.2023).
20. Wilson, J. D. (2018), Rescaling to the Indo-Pacific: From Economic to Security-Driven Regionalism in Asia, *East Asia*, no. 35, pp. 177–196. <https://doi.org/10.1007/s12140-018-9285-6>
21. Mesquita, R. and Chien, J. H. (2021), Do regional powers prioritise their regions? Comparing Brazil, South Africa and Turkey, *Third World Quarterly*, vol. 42, no. 7, pp. 1544–1565. <https://doi.org/10.1080/01436597.2021.1898280>
22. Schenoni, L. L. (2018), The Argentina-Brazil Regional Power Transition, *Foreign Policy Analysis*, vol. 14, no. 4, pp. 469–489. <https://doi.org/10.1093/fpa/orx008>

23. Brosig, M. (2021), Has BRICS lost its appeal? The foreign policy value added of the group, *International Politics*. <https://doi.org/10.1057/s41311-021-00327-y>
24. Schiavon, J. A. and Domínguez, D. (2016), Mexico, Indonesia, South Korea, Turkey, and Australia (MIKTA): Middle, Regional, and Constructive Powers Providing Global Governance, *Asia & the Pacific Policy Studies*, vol. 3, no. 3, pp. 495–504. <https://doi.org/10.1002/app5.148>
25. Cooper, A. F. (2016), Testing middle power's collective action in a world of diffuse power, *International Journal*, vol. 71, no. 4, pp. 529–544. <https://doi.org/10.1177/0020702016686384>
26. Robertson, J. (2018), *South Korea's quandary: what to do about MIKTA?* November. Available at: <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/south-korea-s-quandary-what-do-about-mikta> (accessed: 31.03.2023).
27. Gök, O. G. and Karadeniz, R. F. (2020), Emerging Middle Powers (MIKTA) in Global Political Economy: Preferences, Capabilities, and Their Limitations, in: Parlar Dal, E. (ed.), *Turkey's Political Economy in the 21st Century*. International Political Economy Series, Palgrave Macmillan, Cham, pp. 163–194. https://doi.org/10.1007/978-3-030-27632-4_7
28. Shlykov, P. V. (2017), The search for trans-regional alternatives in Eurasia: the MIKTA phenomenon, *Sravnitel'naia politika*, vol. 8, no. 4, pp. 127–144. (In Russian)
29. Kim, S.-M., *South Korea's Middle-Power Diplomacy: Changes and Challenges*. June 2016. Available at: <https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/publications/research/2016-06-22-south-korea-middle-power-kim.pdf> (accessed: 31.03.2023).
30. Dal, E. P. and Kursun, A. M. (2016), Assessing Turkey's middle power foreign policy in MIKTA: Goals, means, and impact, *International Journal*, vol. 71, no. 4, pp. 608–629. Available at: <https://www.jstor.org/stable/26414060> (accessed: 31.03.2023).
31. Robertson, J. (2017), Middle-power definitions: confusion reigns supreme, *Australian Journal of International Affairs*, vol. 71, no. 4, pp. 355–370. <https://doi.org/10.1080/10357718.2017.1293608>
32. Vershinina, V. V. (2020), "Middle Powers" in International Relations: A Comparative Analysis of Conceptual Approaches, *Sravnitel'naia politika*, vol. 11, no. 3, pp. 25–40. <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2020-10034> (In Russian)
33. Jordaan, E. (2003), The Concept of a Middle Power in International Relations: Distinguishing between Emerging and Traditional Middle Powers, *Politikon: South African Journal of Political Studies*, vol. 30, no. 1, pp. 165–181. <https://doi.org/10.1080/0258934032000147282>
34. Burges, S. (2013), Mistaking Brazil for a Middle Power, *Journal of Iberian and Latin American Research*, vol. 19, no. 2, pp. 286–302. <https://doi.org/10.1080/13260219.2013.853358>
35. Patrick, S. M. (2021), *MIKTA in the Middle: A Little-Known Multilateral Group Turns Five*, September. Available at: <https://www.cfr.org/blog/mikta-middle-little-known-multilateral-group-turns-five> (accessed: 31.03.2023).
36. Haass, R. N. (2008), The Age of Nonpolarity: What Will Follow U.S. Dominance, *Foreign Affairs*, vol. 87, no. 3, pp. 44–56. Available at: <http://www.jstor.org/stable/20032650> (accessed: 31.03.2023).
37. Osterud, O. (1992), Regional Great Powers, in: Neumann, I. B. (ed.), *Regional Great Powers in International Politics*, Basingstoke: St. Martin's Press, pp. 1–15.
38. Nolte, D. (2010), How to compare regional powers: Analytical concepts and research topics, *Review of International Studies*, vol. 36, no. 4, pp. 881–901. <https://doi.org/10.1017/S026021051000135X>
39. Duque, M. G. (2018), Recognizing International Status: A Relational Approach, *International Studies Quarterly*, vol. 62, no. 3, pp. 577–592. <https://doi.org/10.1093/isq/sqy001>
40. Hurrell, A. (2000), Some reflections on the role of intermediate powers in international institutions, in *Paths to Power: Foreign Policy Strategies of Intermediate States*, Woodrow Wilson International Center for Scholars, pp. 1–15. Available at: <https://www.corteidh.or.cr/tablas/15011.PDF> (accessed: 31.03.2023).
41. Argounès, F. (2012), Australia: the Temptation of Regional Power, *Pouvoirs*, vol. 141, no. 2, pp. 103–116. <https://doi.org/10.3917/pouv.141.0103>
42. Abbondanza, G. (2022), Whither the Indo-Pacific? Middle power strategies from Australia, South Korea and Indonesia, *International Affairs*, vol. 98, no. 2, pp. 403–421. <https://doi.org/10.1093/ia/iab231>
43. Hayward-Jones, J. (2015), Australia and Security in the Pacific Islands Region, in: Azizian, R. and Cramer, C. (eds), *Regionalism, Security & Cooperation in Oceania*, Honolulu: Asia-Pacific Center for Security Studies, pp. 67–78.
44. Shim, D. and Flamm, P. (2012), *Rising South Korea: A Minor Player or a Regional Power?* German Institute of Global and Area Studies, July. Available at: https://www.files.ethz.ch/isn/151160/wp200_shim-flamm.pdf (accessed: 31.03.2023).
45. Bridges, B. (2014), From ASPAC to EAS: South Korea and Southeast Asia, *Asian Affairs*, vol. 41, no. 2, pp. 33–55. Available at: <http://www.jstor.org/stable/44074542> (accessed: 31.03.2023).

46. Derwich, K. (2015), Mexico: a regional power or a failed State? *Politica & Sociedade*, vol. 14, no. 8, pp. 8–26. <https://doi.org/10.5007/2175-7984.2015v14n30p8>
47. Senkyr, J. (2010), *Turkey on the road to becoming a regional power*, Konrad Adenauer Stiftung. Available at: <http://www.jstor.org/stable/resrep10049> (accessed: 31.03.2023).
48. Singer, J. D., Bremer, S. and Stuckey, J. (1972), Capability Distribution, Uncertainty, and Major Power War, 1820–1965, in: Russett, B. (ed.), *Peace, War, and Numbers*, Beverly Hills: Sage, pp. 19–48.
49. Ward, S. (2020), Status from fighting? Reassessing the relationship between conflict involvement and diplomatic rank, *International Interactions*, vol. 46, no. 2, pp. 274–290. <https://doi.org/10.1080/03050629.2020.1708350>
50. Degtarev, D. A. and Ramich, M. S. (2021), Strategic Triangles as a Balancing Tool in World Politics, *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 14, no. 3, pp. 23–43. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2021-14-3-2> (In Russian)
51. National Material Capabilities (v6.0). Available at: <https://correlatesofwar.org/data-sets/national-material-capabilities/> (accessed: 31.03.2023).
52. Voeten, E. (2004), Resisting the Lonely Superpower: Responses of States in the United Nations to U.S. Dominance, *The Journal of Politics*, vol. 66, no. 3, pp. 729–754. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2508.2004.00274.x>
53. Voeten, E. (2000), Clashes in the Assembly, *International Organization*, vol. 54, no. 2, pp. 185–215. <https://doi.org/10.1162/002081800551154>
54. Voeten, E., Strezhnev, A. and Bailey, M. (2009), United Nations General Assembly Voting Data, *Harvard Dataverse*, V29. <https://doi.org/10.7910/DVN/LEJUQZ>,
55. Murray, L. (2010), *Biostatistical Design and Analysis Using R: A Practical Guide*. Available at: http://www.ievbras.ru/ecostat/Kiril/R/Biblio_N/R_Eng/Logan2010.pdf (accessed: 31.03.2023).
56. Akaeva, B. A. (2017), Problems and risks of the dynamic development of the BRICS countries, *Vek globalizatsii*, vol. 21, no. 1, pp. 73–85. (In Russian)
57. Dikarev, A. and Lukin, A. (2021) China's Approach to Territorial Disputes in the South China Sea and Russia's Foreign Policy, *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia*, vol. 65, no. 2, pp. 5–15. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-2-5-15> (In Russian)
58. Kortunov, A. *Three decades of painful adjustments: Russia in the post-Soviet space*. RSMD. 2022. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/tri-desyatiletiya-boleznennykh-korrektirovok-rossiya-na-postsovetском-prostranstve/> (accessed: 31.03.2023). (In Russian)
59. Posashkova, A. V. (2018), The role of Brazil in the development of integration processes on the South American continent, *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 27. Globalistika i geopolitika*, no. 2, pp. 63–69. (In Russian)
60. Kostyunina, G. M. (2022), South Asian Association for Regional Cooperation (SAARC): Trends in Integration Cooperation and Foreign Trade with Russia, *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik*, no. 10, pp. 38–53. (In Russian)
61. Shikin, V. “One Belt — One Road” in South Asia, or how the roads of China and India diverge. RSMD. 2017. Available at: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/odin-poyas-odin-put-v-yuzhnoy-azii-ili-kak-raskhodyatsya-dorogi-kitaya-i-indii/?sphrase_id=93434034 (accessed: 31.03.2023). (In Russian)
62. Vakarchuk, D. O. (2021), The development of integration in the post-Soviet space: the experience of network analysis, in: *Political design in the space of social communications: Thirty years without the USSR: political institutions and international political practices in the post-Soviet space*: Materials of International scientific conf. Moscow, May 21, Russian State University for the Humanities; Russian Association of Political Science. Moscow, pp. 200–208. (In Russian)
63. Markedonov, S. M. (2017), Post-Soviet space: collapse or preservation?, *Vestnik RGGU. Seriya Politologiya. Istorii. Mezhdunarodnye otnosheniia*, no. 2, pp. 9–16. (In Russian)

Received: May 1, 2023

Accepted: June 15, 2023

Author's information:

Denis O. Vakarchuk — PhD in History, Associate Professor; vakarchuk.d@rggu.ru